

О. А. Попова
Тюмень, Россия

МОТИВАЦИОННО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор говорит о тесной взаимной связи, взаимном влиянии языка, культуры и общества, подчеркивая объединяющую роль языка для многих наук и его антропоцентричность. Тема языка и культуры представляет огромный интерес для таких наук, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвоперсоналогия. В центре внимания автора находится языковая личность. На примере творчества немецкого публициста Ульриха фон Гуттена (1488—1523), яркой языковой личности элитарной речевой культуры, на лингвокогнитивном уровне можно воссоздать картину мира немецкого мыслителя эпохи Возрождения, делая акцент на мотивационно-интенциональный компонент, глубинное образование в структуре языкового сознания, служащий зарождению ментальных импульсов, побуждающих к действию. С опорой на художественное наследие немецкого публициста У. фон Гуттена автором изучен вопрос о носителе элитарной речевой культуры, который понимается как «совершенная языковая личность с рельефными языковыми чертами, с уникальной индивидуальностью», воплощающая в себе характерные черты своего времени, поколения, культуры, народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык; культура; общество; языковая личность элитарной речевой культуры; картина мира; публицистические произведения; семантический анализ; гуманизм; национальное самосознание; художественное наследие; народ; культура; уникальная индивидуальность; характерные черты своего времени.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Институт истории и политических наук, Тюменский государственный университет; e-mail: popovauni@rambler.ru

Истинное предназначение языка как своеобразного способа укоренения человека в действительности» [Гумбольдт 2001: 172] — в качестве «органа образования мысли служить вдохновительным орудием для вновь возникающих поколений [Там же: 426]», ибо «взаимопонимание возникает не потому, что для всех говорящих на данном языке определенное слово выражает одно и то же значение, а потому, что люди «прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Там же: 166]». Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию эволюции культуры.

Связь человека с народом, расой и всем человеческим родом осуществляется в первую очередь с помощью языка. Язык по существу «собственность всего человеческого рода», «именно в языке каждый индивид всего яснее ощущает себя простым придатком человеческого рода: язык принадлежит мне, ибо каким я его вызываю к жизни, таким он и становится для меня; а поскольку весь он прочно укоренился в речи наших современников и в речи прошлых поколений — в той мере, в какой он непрерывно передавался от одного поколения к другому, — постольку сам же язык накладывает на меня при этом ограничение. Но то, что в нем ограничивает и определяет меня, пришло к нему от человеческой, интимно близкой мне природы, и потому чужеродное в языке чуждо только моей преходящей, индивидуальной, но не моей изначальной природе. Подобно самому человеку, каждый язык есть постепенно разветвляющаяся во времени бесконечность» [Там же: 171].

Нас интересует аспект «человек в отношении к обществу», т. е. личность, а если брать во внимание язык (речь) одного лица (идиолект), то нас больше интересует языковая личность элитарной

речевой культуры. Необходимость изучения человека говорящего осознавалась многими поколениями лингвистов. Идея языковой личности была подготовлена всем ходом развития лингвистической науки. Отдельные замечания по освещаемому вопросу можно найти уже в работах лингвистов XIX — начала XX в. (В. Гумбольдта, Г. Штейнтала, В. Вундта, Я. Гримма, А. Мейе, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Л. Вайсгербера).

Введение понятия языковой личности подготовлено различными направлениями языкознания и философии. Первое обращение к понятию языковой личности связано еще с именем немецкого ученого Лео Вайсгербера (Sprachliche Personlichkeit). Как отмечает В. Д. Лютикова, «начало поисков интегрированного лингвофилософского подхода мы обнаруживаем в XVIII веке у Э. Б. де Кондильяка и позже у И. Гердера. Пристальное внимание к личности в идеалистических направлениях философии выражалось в том числе и в особом интересе к языку индивида. Однако разброс мнений о сущности индивидуальной речи — от признания, что каждый человек говорит на своем языке (Б. Кроче), до утверждения, что человек лишь выразитель чужого сознания (Ф. Ницше, Ф. Шеллинг), — несколько снижал ценность исследований. В материалистических концепциях категория особенного, индивидуального часто занимало подчиненное место по отношению к категории общего. Речь, в частности, шла о том, как общественно-экономическая формация, класс или социальная группа влияют на определенный факт речи» [Лютикова 1999: 7].

Несмотря на то что в работах В. фон Гумбольдта, Г. Штейнтала В. Вундта, Б. де Куртене, А. А. Шахматова, Л. Вайсгербера, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других идея о личностном начале так или иначе высказывалась, целостная концепция языковой личности начала формироваться только в конце XX — начале XXI в., когда произошла смена научной парадигмы в языко-

знании. Сейчас мы называем парадигму языкознания антропоцентрической, так как в центре внимания находится человек, «языковая личность» (далее ЯЛ). Антропоцентрическая лингвистика, рассматривающая язык как важнейшее достояние индивида, делает одним из центральных понятие ЯЛ, о чем свидетельствует многообразие подходов к раскрытию соотношения «язык — личность» и к самому термину ЯЛ.

Обращение к теории языковой личности в наше время вызвано гуманизацией всех наук. Повышенное внимание к человеку, его проблемам делает основным объектом изучения современной лингвистики *homo loquens*. Как пишет польский лингвист Станислав Гайда, «в новой теории языка центральную позицию занимает человек с присущими ему качествами, позволяющими ему производить и принимать тексты. При этом его тексты могут различаться степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отображения мира, а также интенциональной ориентацией» [Гайда 1999: 104].

Если до сих пор лингвисты в основном изучали язык как таковой, в отвлечении от конкретного носителя, то теперь они повернулись «лицом» к человеку. «Все это свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике — о переходе от лингвистики имманентной к лингвистике антропологической» [Рузин 1994: 79].

Язык становится объединяющим началом для столь разных областей знания о человеке, как философия, психология, социология и многие других.

Таким образом, основное внимание современных лингвистов концентрируется на человеке, носителе языка как представителе национальной культуры, определенной социальной группы, обладающем своими психологическими, социальными и другими особенностями, имеющем свой взгляд на язык, свои лингвистические предпочтения. На данный момент в лингвистической науке насчитывается достаточно много определений языковой личности, в которых представлены различные подходы к рассмотрению названного феномена. Термин ЯЛ, безусловно, относится сегодня к числу наиболее популярных, но до сих пор не существует единой его трактовки. Языковая личность определяется при этом через понятия субъекта, индивида, автора текста, носителя языка, информанта, языковой картины мира и знаний о мире, знаний языка и знаний о языке, языкового сознания, самосознания и др.

Разработка теории «языковой личности» относится к числу актуальных задач современного языкознания, в результате чего анализу подвергаются индивидуальные и социальные проявления «языковой личности», ее ценностные предпочтения. Как пишет М. М. Бахтин, «сознание складывается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива... Индивид как собственник содержаний своего сознания, как автор своих мыслей, как ответственная за свои мысли и желанная личность, такой индивид является чистым социально-идеологическим явлением» [Бахтин 1993: 17—40].

В этой связи любое обращение к речевому портретированию конкретного носителя любого типа речевой культуры представляет большую теоретическую и практическую ценность, а носителя высшей культурной страты — элитарной — целесообразно в особенности. Носитель элитарной речевой культуры — совершенная языковая личность с рельефными языковыми чертами, с уникальной индивидуальностью, которая вместе с тем ярко воплощает в себе характерные черты своего времени, поколения, культуры, народа.

Одним из ярких примеров языковой личности, которая не померкла с годами, хотя прошло почти 500 лет, является немецкий публицист, реформатор Ульрих фон Гуттен (1488—1523), носитель языковой традиции немецкой гуманистической среды, интеллигенции XVI в. В нашей статье мы представляем яркую уникальную языковую личность элитарной речевой культуры Германии эпохи Возрождения и Реформации, немецкого интеллектуала и представителя гуманистической среды, образованного человека, подготовившего становление немецкого самосознания, человека свободной профессии, странствующего преподавателя, поэта, воинствующего публициста, юношу, своим пылким сердцем обнимавшего все человечество, рыцаря, ставящего превыше всего кодекс чести.

Интеллектуальная деятельность немецкого публициста Ульриха фон Гуттена давно привлекает исследователей, не только историков, но и литераторов. Не только потому, что он один из лучших писателей-латинистов Северного Возрождения, «коронованный поэт и оратор» («*coronatus poeta laureatus eques auratus*»), но и потому что он страстный трибун, способный вызвать резонанс в обществе, призвать к борьбе против несправедливости, провозвестить идеи единой Германии. Он был один из немногих поэтов и публицистов XVI в., которые остро ощущали веяние нового времени. Поэтому не зря спустя много столетий девизом одного из калифорнийских университетов, в Стэнфорде, стала фраза Гуттена «*Vidētis illam spirare libertatis auram*» («Воздух свободы веет»). В эпоху гуманизма свобода понималась как возможность беспрепятственного всестороннего развития личности, кроме того, политические взгляды Гуттена подразумевали, во-первых, освобождение немецкой нации от диктата папства, от влияния Римской церкви, во-вторых, устранение княжеской тирании внутри самой Германии. Не надо забывать, Гуттен был прежде всего общественным борцом и все произведения его имеют политическую окраску и отличаются агитационной направленностью, зовут к активной борьбе.

Рассматривая языковую личность Ульриха фон Гуттена на лингвокогнитивном и прагматическом уровне, мы можем воссоздать целостную картину мира литератора эпохи Возрождения и Реформации.

Создание исчерпывающего портрета языковой личности публициста и его системное описание чрезвычайно трудно из-за необходимости полноты охвата всех созданных данной личностью текстов. Поэтому приоритетным для исследователей становится описание отдельных аспектов языковой личности писателя, которое про-

изводится с опорой на все доступные тексты. Речевое произведение является одним из многочисленных объектов, помогающих раскрыть тип языковой личности не только в языковом плане, но посредством его (характер связи между понятиями, отсылка к идеалам, образцам, стереотипам). Объектом анализа при изучении языковой личности социального мыслителя были публицистические тексты (инвективы, письма, речи, памфлеты, диалоги, трактаты), которые рассматривались как один из многочисленных способов фиксации и объективации сознания автора, а также специфические репрезентанты содержания картины мира немецкого реформатора Ульриха фон Гуттена, языковой личности элитарной речевой культуры, публициста эпохи Возрождения в Германии XVI в.

Элитарный тип предполагает «максимально полное владение всеми возможностями языка: умение использовать нужный в данной ситуации функциональный стиль, строго различать нормы устной и письменной речи, пользоваться всем богатством языка (синонимами, образными выражениями, в письменной речи возможностями пунктуации и абзацного членения, в устной — всем разнообразием русских интонаций), не нарушать орфоэпических, лексических и орфографических норм, соблюдать все этические нормы общения, а главное, всегда и все использовать в своей речи целесообразно, не злоупотребляя иностранными словами и никогда не искажая ни их значение, ни произношение при необходимом употреблении» [Сиротина 1998: 45].

Если провести семантический анализ произведений, т. е. анализ смысла текстов, то станет ясно, что произведение Ульриха фон Гуттена является своеобразной программой действий, или побуждением к действию, призывом к борьбе. Воздействующий эффект усиливается при помощи местоимения «мы», глаголов в настоящем времени и императиве. Употребление глаголов в форме настоящего времени усиливает побуждающий, призывный эффект, поскольку эти формы времени создают впечатление близкого, реально происходящего события, а не эфемерного, возможного будущего.

Литература (в том числе художественная, научно-техническая, общественно-политическая, научно-популярная, публицистическая), как известно, относится к одному из основных средств информационно-психологического воздействия на человека [Грачев, Мельник 2003: 52]. С помощью языка можно не только информировать читателя, но и манипулировать его сознанием. Именно в этом, по мнению Г. Кресса и Р. Ходжа [Kress, Hodge 1979: 157—158], раскрывается идеологическая сущность языка.

В публицистическом стиле большое значение имеют приемы убеждающего воздействия. Говоря о структуре языковой личности, мы можем выделить ментальный блок, который объединяет собственно языковую способность и мотивационно-интенциональный компонент. Последний представляет собой глубинное образование в структуре языкового сознания личности, в котором «языковое» трудно отделить от собственно психологического, когнитивного. В своей коммуни-

кативной составляющей мотивационно-интенциональный компонент непосредственно связан с модусными рамками смысла, определяющими глубинный план содержания речевого произведения и его внутреннюю форму [Гиллиген 1997: 168].

Повелительная манера, процесс влияния на поведение (манипулирование) относятся к области гипнотерапии. «Процесс влияния на поведение широко распространен: сознаем мы это или нет, своим поведением мы всегда влияем на других. В этом реальном смысле всякое поведение есть манипулирование» [Там же: 83]. Косвенные внушения, в частности, ориентируют и структурируют внимание как гипнотерапевта, так и клиента вокруг определенных идей и структур. По мнению Стивена Гиллигена, ученика известного гипнотерапевта Милтона Эриксона, «скрытые внушения являются одним из простейших и в то же время самых мощных приемов косвенного воздействия. Большинство людей удивительно восприимчивы к скрытым внушениям, особенно когда их содержание соответствует потребностям и взглядам человека. Скрытые внушения оказываются эффективными потому, что они используют стратегии переработки информации, лежащие в центре бессознательного понимания, но на периферии сознательного внимания» [Там же: 219—221]. Манипулирование сознанием людей с использованием различных средств и технологий сегодня является массовым явлением и актуальной исследовательской проблемой. Одной из формулировок понятия манипуляции, выделенной исследователем Е. Л. Доценко, является «вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий» [Доценко 1996: 45]. Существует ряд понятий, отражающих определенные способы, общие механизмы и обобщенные схемы процесса скрытого принуждения людей; к ним, в частности, можно отнести «пропаганду и агитацию». Агитация (лат. *agitation*) — приведение в движение) — пропагандистская деятельность с целью побуждения к политической активности отдельных групп или широких масс населения. Отличается разнообразием устных, печатных и аудиовизуальных средств и является распространенным инструментом политической борьбы. Пропаганда (лат. *propaganda* — подлежащее распространению) — деятельность, устная или с помощью средств массовой информации, осуществляющая популяризацию и распространение идей в общественном сознании. Воздействующие возможности языка раскрываются не только в лексике, но и в синтаксическом построении высказывания, в выборе грамматических форм.

Ульриха фон Гуттена часто называют пропагандистом и агитатором. Благодаря появившемуся книгопечатанию он стал известен во всей Германии в эпоху Реформации. Его листовки с молниеносной быстротой расходились по всей стране. Речи Гуттена копировались, циркулировали в различных кругах Германии, определенно вызвали общественный резонанс, а также волнения рыцарства в Швабии, восстание рыцарства под

руководством Франца фон Зиккингена. В диалогах Гуттена содержится ярко выраженная положительная оценка идеи насильственного свержения существующего ига Римско-католической церкви, папы римского.

Отрицательно-оценочные слова создают негативный стереотип, отрицательный образ священнослужителей — попов, а также князей-тиранов. Самого папу Юлия II Гуттен называет «жестоковым тираном». Публицист тем самым создает отрицательный образ социальной группы мирских и светских князей, а также купцов, и называет их разбойниками. В уста богов Гуттен вкладывал свои мысли, которые обладали огромной воздействующей силой и вызвали резонанс в обществе, будили сердца и умы, а также немецкое национальное самосознание. Резкая критика в произведениях Гуттена, которые не раз становились листовками, была обращена против священников, против их безнравственности: «Я полагаю, что этому народу нужно позаботиться о всеобщем исправлении нравов: нельзя терпеть столько праздных ленивцев, которые проедают чужое добро, а сами никакого доброго плода не приносят. Нужно любой ценой искоренить иноземную роскошь и как можно дальше изгнать чуждую немцам изнеженность, вернув всю Германию к прежней ее силе и старинной доблести» [Гуттен 1959: 309].

В борьбе против папства Гуттен использовал свои знания античной и раннехристианской истории, а также истории Германии. Созданный им образ Арминия, борца «за германскую свободу», он связал с острой критикой Римской курии. В «Послании к Фридриху Саксонскому» Гуттен восхищался древними херусками и хавками, которые во время войны с Римом явили образец величайшего мужества; они дали Германии Арминия — самого замечательного и самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества, а завоевателей, измученных и обессиленных страшными поражениями, неустанно теснил и, наконец, изгнал совсем. «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы по-рабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как сам он не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ всего мира?! Разве не стыдно ему за свое потомство?» [Гуттен 1959: 309].

Характерно, что, помимо «свободы империи», «свободы Германии», «свободы отечества» (*freiheit des vaterlands*) и даже свободы земель, Гуттен говорил о свободе нации, народа, сословий; наконец, ему была известна свобода отдельных лиц; те, в свою очередь, обладали свободой слова, каковой Гуттен весьма дорожил, и свободой совести. Гарантом всех этих свобод выступала империя. «Империя» рассматривается как концепт, который вербализуется через концептосферу не только антропонимов, топонимов, мифонимов, теонимов, но и идеологем, таких как «всеобщая свобода», «общее благо», «общая польза», «справедливость», «нация», «отечество», «дело Лютера», «война против попов» и др.

Прозаический диалог (*Prosadialog*) у Гуттена стал важнейшим жанром публицистики, средством общественной полемики и дискуссии по актуальным проблемам, образцом споров реформаторов друг с другом [Seitz 1991: 343—349].

В диалоге «Наблюдатели» главными действующими лицами являются Солнце (Гелиос) и его сын Фаэтон, которые наблюдают сверху за Аугсбургским съездом имперских князей. Имена Гелиос и Фаэтон взяты Гуттеном из языческой мифологии. Фаэтон (лат. *Phaeton*, греч. «излучающий») — в греческой мифологии прозвище Гелиоса, бога Солнца. Согласно легенде, Фаэтон попросил отца разрешить ему один день управлять колесницей Солнца. Управляя колесницей, он не смог сдержать огнедышащих коней, и они бешено бросились в разные стороны, отклоняясь от обычного пути солнца, что вызвало страшный пожар. За это Зевс поразил Фаэтона молнией, а его сестры, Гелиады, были на берегу превращены в тополя. Как известно, древние германцы были язычниками и обожествляли природу, что позволяло Гуттену вкладывать свои мысли в уста языческих богов.

В чем-то суждения Гуттена послужили основанием политико-правовых принципов последующей европейской демократии, в чем-то его представления опередили время, определив парадигмы гуманистической культуры, обозначив антитезы универсалистского и националистического сознания, пробуждения в соотечественниках чувств достоинства, гордости за своих предков, свою землю. Искусство политической риторики, практика непрерывных выступлений подтверждают мысль о зарождении ментальных импульсов мыслителей эпохи Возрождения, подвигающих к действию. Способы трансляции гуттеновских идей на разнородные социальные страты, приемы воздействия на правящую элиту свидетельствуют о зарождении новой идеологии с присутствием ей инструментариума и технологией [Попова 2005: 3]. Гуттен, будучи в своих общественно-культурных воззрениях ориентированным на идеалы прошлого, активно воспринимал все современные ему средства оперирования словом, репродуцированным и тиражированным посредством «летучих листов», плакатов. В этом смысле Гуттен должен быть поставлен у истоков новоевропейских технологий воздействия на общественное мнение, проецирования и реализации предзаданного общественного действия. Этому соответствовал и поиск новых средств словесной выразительности, которые приобретали характер афористического призыва, лозунга, действенного и эффективного [Попова 2002: 121—123]. Обращаясь к современникам, Гуттен использует все возможные жанры публицистики, в том числе манифесты, инвективы, памфлеты, эпистолы. Его публицистическое творчество соединяет в себе атрибуты интеллектуального рассуждения со множеством ссылок (*dissertatio*), политического памфлета, афористического воззвания с плакатным изображением героя или антигероя и публичного выступления со всеми его аффектами и жестами.

Писал я прежде по-латыни.
Не всем ясна латынь моя?

Теперь же по-немецки я
Немецкой нации кричу:
«Пора отмстить, пора к мечу!»
И пусть я попаду в беду,
Лишившись помощи, — клянусь,
От правды я не отступлюсь!

[Martini 1991: 111—117;
Гуттен 1973: 200—202]

Читая Гуттена на немецком языке, на который он перешел с латинского незадолго до смерти, начинаешь понимать истинную ценность едва только намечавшихся идей гуманистической идеологии, которые впоследствии нашли свое воплощение в образовании, науке и культуре [Beutin 1992: 51—56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. (Волошинов В. Н.) Марксизм и философия языка // Тетралогия / М. М. Бахтин. — М., 1993.
2. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. — Саратов, 1999. Вып. 2.
3. Гиллиген С. Терапевтические транссы : руководство по эриксоновской гипнотерапии / пер. с англ. А. Д. Иорданского. — М. : Независимая фирма «Класс», 1997.
4. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. — М. : Эксмо, 2003.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. — М. : Прогресс, 2001.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М. : Прогресс, 1985;
7. Гуттен У. фон. Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому // Диалоги. Публицистика. Письма / Ульрих фон Гуттен ; сост. и пер. с лат. С. П. Маркиш. — М. : АН СССР, 1959. С. 309.
8. Гуттен У. фон. «Сегодня правда спасена...». Новая песнь господина Ульриха фон Гуттена. Стихи / пер. с нем. С. Анна // Иностранная литература. — М., 1973. № 8. С. 200—202.
9. Доценко, 1996:45 Е. Л. Психология манипуляции. — М., 1996.

О. А. Попова
Tyumen, Russia

MOTIVATION-INTENTIONAL COMPONENT OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN PUBLICIST TEXT

ABSTRACT. *In this article, the author shows close interconnection and interaction between society, language and culture, emphasizing anthropocentricity of the language and its unifying role for many sciences. The themes of language and culture present a greatest interest; they are studied by such sciences as linguo-culturology, ethno-linguistics, and linguo-personology. In her study, the author focuses on linguistic personality. On the example of creative heritage of the German publicist Ulrich von Hutten (1488—1523), a vivid personality of elitist language speech culture, on the cognitive level, it is possible to recreate the worldview of the German thinker of the Renaissance, emphasising the motivation-intentional component, a hidden formation in the structure of language consciousness, contributing to the origin of mental impulses that motivate to action. While studying the fiction heritage of the German publicist Ulrich von Hutten, the author investigates the question of the carrier of elite speech culture who is understood as a perfect linguistic personality with unique language features and with individuality, and who embodies the characteristic features of his time, generation, culture, and people.*

KEYWORDS: *language; culture; society; linguistic personality of elitist language consciousness; publicist works; semantic analysis; humanism; national identity; the fiction heritage; people; culture; unique individuality; characteristic features of his time.*

ABOUT THE AUTHOR: *Popova Ol'ga Andreevna, Candidate of History, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Institute of History and Political Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia.*

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (Voloshinov V. N.) Marksizm i filosofiya yazyka // Tetralogiya / M. M. Bakhtin. — M., 1993.
2. Gayda St. Zhanry razgovornykh vyskazyvaniy // Zhanry rechi. — Saratov, 1999. Vyp. 2.
3. Gilligen S. Terapevticheskie transy: Rukovodstvo po eriksonovskoy gipnoterapii / Per. s angl. A. D. Iordanskogo. — M. : Nezeavisimaya firma «Klass», 1997.
4. Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovanie lichnost'yu. — M. : Eksmo, 2003.
5. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. 2-e izd. — M. : Progress, 2001.
6. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. — M. : Progress, 1985;

10. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. — Тюмень : ТГУ, 1999.

11. Попова О. А. Гуттен и общество // Синтез в русской и мировой художественной литературе : материалы науч.-практ. конф. памяти А. Ф. Лосева / под ред. И. Г. Минераловой. — М. : МГПУ, 2002.

12. Попова О. А. Политическая идеология Ульриха фон Гуттена (1488—1523) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Тюм. гос. ун-т. — Тюмень, 2005.

13. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модуль перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6.

14. Сиротинина О. Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. — Волгоград ; Саратов : ВолГУ, 1998.

15. Beutin W. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. — Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlag., 1992.

16. Hutteni U. Deutsche Schriften: In 2 Bde. / Hrsgb. von H. Mettke. — Leipzig : VEB, Bibliogr. Inst., 1972.

17. Hutteni U. Sendschreiben an den Kurfürsten Friedrich von Sachsen // Die Freiheit der Deutschen Nation / Hrsgb. von E. Gottmann. — Jena : E. Diederich, 1943. S. 47—48.

18. Hutteni Ulrichi, equitis. Germani Dialogi // Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. — Lipsiae, 1860. Vol. 4.

19. Hutteni, Ulrichi, equitis germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae: Teubner V., 1859-1870. Vol. I-7; N. Aufl. Aalen, 1963. Bd. 1-7;

20. Kress G., Hodge R. Language as ideology. — London : Routledge a. Kegan Paul, 1979.

21. Martini F. S. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. — Stuttgart : A. Kroner, 1991.

22. Seitz D. Flugschriftenliteratur der Reformation und des Bauernkrieges // Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte. In 9 Bde. — Hamburg : Rohwolt : Taschenbuch, 1991. Bd. 2.

23. Ulrichi de Hutten. Opera I. Epistolae hereis et clarissimorum querundam vireum ad eum scriptas / Hrsgb. von Ch. J. Wagenseil. — Lipsiae, 1785. (N. Aufl. Nürnberg, 1823).

7. Gutten U. fon. Poslanie kurfyurstu Fridrikhu Saksonskomu // Dialogi. Publitsistika. Pis'ma / Ul'rikh fon Gutten ; sost. i per. s lat. S. P. Markish. — M. : AN SSSR, 1959. S. 309.

8. Gutten U. fon. «Segodnya pravda spasena...». Novaya pesn' gospodina Ul'rikha fon Guttena. Stikhi / per. s nem. S. Anna // Inostrannaya literatura. — M., 1973. № 8. S. 200—202.

9. Dotsenko, 1996:45 E. L. Psikhologiya manipulyatsii. — M., 1996.

10. Lyutikova V. D. Yazykovaya lichnost' i idiolekt. — Tyumen' : TGU, 1999.

11. Popova O. A. Gutten i obshchestvo // Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy literature : materialy nauch.-prakt. konf. pamyati A. F. Loseva / pod red. I. G. Mineralovoy. — M. : MGPU, 2002.

12. Popova O. A. Politicheskaya ideologiya Ul'rikha fon Guttena (1488—1523) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. / Tyum. gos. un-t. — Tyumen', 2005.
13. Ruzin I. G. Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osya-zanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke // Voprosy yazykoznaviya. 1994. № 6.
14. Sirotina O. B. Sotsiolingvisticheskiy faktor v stanovlenii yazykovoy lichnosti // Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty. — Volgograd ; Saratov : VolGU, 1998.
15. Beutin W. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. — Stuttgart : J. B. Metzlersche Verlag., 1992.
16. Hutteni U. Deutsche Schriften: In 2 Bde. / Hrsgb. von H. Mettke. — Leipzig : VEB, Bibliogr. Inst., 1972.
17. Hutteni U. Sendschreiben an den Kurfürsten Friedrich von Sachsen // Die Freiheit der Deutschen Nation / Hrsgb. von E. Gottmann. — Jena : E. Diederich, 1943. S. 47—48.
18. Hutteni Ulrichi, equitis. Germani Dialogi // Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. — Lipsiae, 1860. Vol.4.
19. Hutteni, Ulrichi, equitis germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae: Teubner V., 1859—1870. Vol. I—7; N. Aufl. Aalen, 1963. Bd. 1-7;
20. Kress G., Hodge R. Language as ideology. — London : Routledge a. Kegan Paul, 1979.
21. Martini F. S. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. — Stuttgart : A. Kroner, 1991.
22. Seitz D. Flugschriftenliteratur der Reformation und des Bauernkrieges // Deutsche Literatur. Eine Sozialgeschichte. In 9 Bde. — Hamburg : Rohwolt : Taschenbuch, 1991. Bd. 2.
23. Ulrichi de Hutten. Opera I. Epistolae hereis et clarissimorum querundam virorum ad eum scriptas / Hrsgb. von Ch. J. Wagenseil. — Lipsiae, 1785. (N. Aufl. Nürnberg, 1823).

Статью рекомендует к публикации д-р ист. наук, проф. А. П. Янков.